

Елена Маркасова
(Санкт-Петербург)

“Селькор по обстрелом”: стереотипы враждебного окружения и жертвенности в “коммуникационном завоевании” деревни (1920-е–1930-е гг.)

Как и ряд других тем, касающихся истории крестьянства в послереволюционной России, история селькоровского движения в отечественной историографии стала “жертвой” стереотипных представлений, определенных, с одной стороны, идеологическими табу, с другой, связанными с ними художественными клише. Фигура селькора – идейного борца за новую жизнь, который героически противостоит кулакам и, как правило, гибнет в результате этого противостояния, обеспечивая конечную победу Советской власти, – периферийный, но характерный образ литературы и кинематографа соцреализма.

Только в последнее время появляются работы, авторы которых пытаются рассмотреть специфику положения и роли селькора в широком социально-культурном контексте, подчиняя, однако, эту проблему более общим вопросам¹. В то же время, новейшие публикации архивных материалов демонстрируют наличие в селькоровской корреспонденции очевидных оппозиционных настроений². Возникает вопрос – насколько эти настроения коррелируют с материалами, публиковавшимися в специализированной прессе периода формирования и расцвета селькоровского движения, специально предназначенной его организовывать и направлять? В силу указанных выше причин периодика такого рода до сих пор не стала предметом специального анализа. Между тем, она дает интересные возможности для изучения проблем, долгое время представлявшихся ясными и лишенными многослойности.

Наша работа строится на анализе писем, статей, инструкций, помещенных в 1925 – 1930 гг. в изданиях, которые имели непосредственное отношение к агитационной работе в деревне, усилившейся после XIII съезда ВКП(б). Именно тогда (июнь 1925 г.) был создан центральный журнал “Селькор“ (Москва), призванный стать главным организатором селькоровского движения на местах. Многочисленными были материалы для и о селькорах, публиковавшиеся в журналах, специально нацеленных на “коммуникационную смычку” города и деревни: “Рабоче-крестьянский

корреспондент”, “Рабселькор” (изд. газеты “Ленинградская правда”), “Нижегородский рабселькор”, “Путь рабселькора” (с одинаковым названием в Москве и Ростове-на-Дону), “Сибирский рабселькор”, “Черноморский рабселькор”, “Рабселькор Донбасса” и т.д.

О значении, придававшемся партийно-советской властью деятельности селькоров, свидетельствует и поток специальных неперiodических изданий, как правило, аннотируемых и рекламируемых периодикой, в том числе в специальной рубрике “Что читать селькору”³. Все издания стремятся активизировать крестьян и рабочих, предлагая им разнообразные формы поощрений за писание в газеты и журналы и участие в их распространении. При этом уже в 1925–1927 гг. определяется корпус источников, используемых для доказательства необходимости связи с печатным органом или создания собственной стенгазеты в каждом коллективе. Обычно этой цели служили работы В.И.Ленина “С чего начать?”, “Письмо к товарищам”, “Партийная организация и партийная литература”, И.В.Сталина “Печать как коллективный организатор”, “Чем дальше в лес”, “Против опoшления лозунга самокритики”, Материалы XIII съезда ВКП(б), постановление ЦК ВКП(б) от 28 августа 1926 г. и от 28 апреля 1927 г., касающиеся “задач партии в области рабселькоровского движения”, утвержденные отделом печати ЦК ВКП(б) “Основные положения по организации и работе кружка селькоров”. Нередко цитировались статьи и выступления Н.Бухарина, Г.Зиновьева, Л.Каменева (впоследствии, по мере разоблачения очередных “врагов народа”, корпус цитат меняется).

Власть должна была выбрать правильный язык для сельского читателя, ставя перед печатью задачу “объяснить крестьянину его же языком мероприятия советской власти и компартии по отношению к крестьянству”, дать ему возможность “одернуть зарвавшегося кулака, вывести на чистую воду нечестного кооператора; прекратить противозаконные действия преступного администратора”⁴. Сверхзадача рабселькоровских и селькоровских изданий – привлечение масс к социалистическому строительству и достижение “смычки города и деревни”. “Рабкоры должны выезжать на места, должны инструктировать селькоров, давать товарищеские указания, *помогать при всевозможных преследованиях*, устраивать совместные съезды и т.д.”⁵, – пишет М.И.Ульянова, входившая в редколлегию журнала “Селькор” вместе с С.Б.Урицким, Я.А.Яковлевым, П.М.Борисовым, С.П.Евгеновым, М.А.Рафаилом.

Вскоре главным редактором (до января 1930 г.) становится Я.А.Яковлев (1896–1938), бывший одновременно редактором “Крестьянской газеты”. Члены редакции сотрудничают также с журналом “Рабоче-крестьянский корреспондент”. Общность задач рабкоров и селькоров была очевидна, но очевиден был и разный образовательный, идейно-политический уровень адресатов, и это обстоятельство принуждало власть разговаривать с крестьянином и рабочим на разных языках, учитывать специфику коммуникационных возможностей города и деревни. Это сказалось, например, на отношении к стенгазете: проблемы заводской и фабричной стеной печатью не вызывают, по нашим наблюдениям, такого пристального внимания, как вопрос организации ее в деревне.

Интерес властей к умонастроениям на селе был понятен: даже твердые цены, вопреки надеждам наркома финансов Г.Я.Сокольникова (1888-1939), не стали “мостом между городом и деревней”⁶. XIII съезд РКП(б) принимает решение: “Стенгазета в деревне должна стать одной из важнейших форм партийной и комсомольской работы на селе. Она должна бороться за улучшение крестьянского хозяйства, за кооперацию, за повышение культурного уровня деревни, за интересы маломощных крестьян против эксплуататорских тенденций кулака и *против злоупотреблений администрации*” (курсив наш. – Е.М.).⁷ Фактически, как показала практика, крестьянину таким образом давалась возможность рассчитаться с прежними “обидчиками” из представителей местной власти, проводивших жесткие меры периода “военного коммунизма”.

Первый номер журнала “Селькор”, организованного сразу после съезда, можно считать программным. Здесь определяются задачи селькора – “прорубить окно в город, сделать город точкой опоры деревни и опираясь на город настойчиво и неуклонно бороться с преступным и темным элементом села, волости и уезда.”⁸

Очевидно, эти проблемы считались более актуальными, чем хозяйственные, поэтому до начала 1930-х гг. журнал “Селькор” крайне редко публикует заметки, посвященные сельскохозяйственной тематике (хотя лозунги о необходимости повысить урожай здесь постоянно встречаются), зато ощущается явный перевес разоблачительных материалов. Такой подход опирался на вполне реальную почву. Достаточно привести свидетельство П. Заломова (1877–1955), прототипа Павла Власова, организатора кооператива (1927) и колхоза (1929): “Некоторые крестьяне и даже “пролетарии” желают вывозить скот за границу и злобятся, что центральная власть этого не разрешает. И это вовсе не какие-нибудь кулаки, а беднота, но беднота,

привыкшая за время революции спекулировать... Я часто говорю [крестьянам] о выгоде многополья, о возделывании сахарной свеклы ... но некоторые относятся к этому, как к “бабушкиным сказкам”, а те, которые понимают, ссылаются на невозможность коллективной работы ввиду крайнего индивидуализма широких крестьянских масс...”⁹

Отчеты о результатах деятельности крестьянской печати появляются довольно регулярно: “Только достижения центральной “Крестьянской газеты” с 1 января 1925 по 1 марта 1926 г.: Снято с работы: председателей сельсоветов, председателей волисполкомов и райисполкомов, начальников милиции, нарсудей и пр. – 677 человек; предано суду – 520 человек; наложены различные взыскания на 340 человек; исключено из партии – 128 человек; частных лиц предано суду и пр. – 47 человек, а всего – 2155 человек”¹⁰. Двусмысленно в этом контексте воспринимается приведенное здесь же высказывание И.В.Сталина: “Печать – единственное орудие, при помощи которого партия говорит с рабочим классом и крестьянством на своем, нужном ему языке” (sic!).

Содержание статей С.Урицкого, М.Ульяновой, А.Вышинского и др. свидетельствует о том, что власти активнейшим образом интересуются реальной обстановкой в деревне, при этом прямо толкая селькоров на путь доносительства: “Если деревня Игнатовка отделена от центра расстоянием в тысячу верст, то как спрашивается, центральная власть может без помощи селькора узнать о том, что с этой деревни неправильно взыскан налог или местные власти злоупотребляют своим положением?”¹¹

В рубрике “Почтовый ящик” журнал отвечает авторам писем:

“С/к Сенжину (Котельнический у.). Ваше письмо, о котором вы запрашивали, было направлено в соответствующее учреждение для сведения.

С/к Смирнову (Тверская губ.). Вы делаете правильно, посылая свои заметки сначала следователю.

С/к Новикову (Кубанский окр.). Попу, как представителю чуждого нам класса, мы не доверяем, и поэтому заметок его не печатаем.”¹²

В “Селькоре” появляется постоянный раздел “Винтовкой и пером”, контролируемый политуправлением. Природа селькоровской силы представлялась очевидцам довольно ясной: “Кулаки с селькором в драку / Кулаку теперь нет прав:/ Дернет он за хвост собаку, / а она в Москве – гав-гав!” Двусмысленность этого текста

заставляет отказаться от мысли о политической ангажированности. А.Волжский, автор “Васи-селькора”, публиковал его как демонстрирующий страх кулака перед селькором, очевидно не принимая во внимание того, что селькор все-таки “хвост собаки”, которая “лает” в Москве.¹³

Не очень хорошо знающий историю опричнины журналист помещает в журнале “Селькор” цитату из белогвардейской газеты “Возрождение”: “В России создали институт газетных прохвостов под названием рабкоров и селькоров... По недоразумению эти журналисты не ходят с хвостом и собачьей головой у пояса”. Цитата помещена в рубрике “Селькор смеется”.

Сводки с мест также подтверждают концепцию создания системы доносительства: “Селькор помогает чистить партию”, “Селькор оберегает правильность советских выборов”, “Селькор бережет народное добро” и т.д. В таком контексте неудивительны авторские пожелания увидеть объект даже стихотворной критики за решеткой.¹⁴

Ситуация в рабкоровских журналах изначально противоположная: при общем перевесе в них политических статей, существенное место занимают и производственные материалы. Интерес же к деревенским собратьям по перу носит околорасследовательский характер: печатаются статьи преимущественно об убийствах селькоров. Это обусловлено и реальной обстановкой: такие расправы были очень распространенным явлением. Уже с 1 ноября 1924 г. Верховный Суд квалифицирует убийства корреспондентов, совершенные в связи с их деятельностью, как террористические акты по статье 64 Уголовного Кодекса. В том же году в Москве для помощи пострадавшим от классового врага селькорам и семьям убитых корреспондентов был создан “единый железный фонд имени “Правды” при газете “Правда”, куда было перечислено 24077 руб. 40 коп. Были определены индивидуальные размеры такой помощи (примерно 150–200 рублей), при этом подчеркивалось, что, оказывая ее, “всегда необходимо принимать во внимание степень нуждаемости”.¹⁵ Так, приводился пример отца убитого селькора Свирина, который “оказался...нетрудоспособен, не мог обрабатывать землю. Ему посоветовали поставить молочное хозяйство, дали денег на покупку пары коров и сепаратора... Ему было выдано рублей 200-220”¹⁶. Вплоть до “великого перелома” актуальны были призывы вроде следующего: “Поможем семье убитого селькора. Редакция “Крестьянской

газеты” перевела на имя семьи Юсупова 50 руб. Нужно усилить сбор средств в единый железный фонд при газете “Правда”.¹⁷

Через несколько лет после начала рабселькоровского движения и центральная, и местная пресса констатировала, что оно “имеет свою славную историю, имеет своих героев и мучеников” (курсив наш. – Е.М.).¹⁸

Журнал “Селькор” постоянно напоминает номера статей УК и циркуляров ЦК, могущих иметь отношение к деятельности добровольных корреспондентов и их безопасности. Часто встречаются статьи о пьесах, посвященных убийствам селькоров (“Красная маска” С.П.Петухова, “Земляные жуки” Бокалова, “Селькор” Н.Семенова, “Юнселькор Гринька” И.Чурилина, “Примерный отпускник Григорий Лапицкий” Н.Кудрина, “Анна Коржанкова” М.Арбузова). Для большей наглядности “Селькор” публикует кадры “Заговор кулаков” и “Убитый селькор” из фильма “Волки” (“Черное дело”) (Госкино, 1925, режиссер Лео Мур, автор сценария Ю.Тарич) о демобилизованном красноармейце, селькоре Сергее Зорком. Поскольку была распространена и такая форма борьбы между селькорами и их односельчанами, как взаимное доносительство, встречные иски, популярен был фильм “Дымовка”, иногда именуемый в прессе “Убийство селькора Малиновского” или “Селькор Малиновский” (Одесская киностудия, 1925, режиссер П.Сазонов, авторы сценария Д.Бузько, П. Сазонов, В. Заноза).

В это время складывается стереотип описания убийства селькора. Тон был задан стихотворением А.Жарова “Селькор”, опубликованным дважды и вызвавшим многочисленные подражания, сводимые к простой схеме. Селькор пишет статью, а из ночной темноты раздается выстрел: “Смерть рядом! Сжат обрез рукою.../ Внезапный огненный удар.../ И мозг окутал черной мглою / Мгновенно вспыхнувший пожар. / И звон разбитого окошка.../ И вскрик испуганной жены... / И на столе ржаные крошки / Лежат в крови обагрены (Л.Мирошниченко).¹⁹ Рисунок, предваряющий рубрику “Селькор под обстрелом”, изображает селькора в лучах лампы и револьвер, направленный в его сторону. Целый ряд стихотворных текстов, в том числе на национальных языках, утверждал представление о героизме селькора и бессмертии его дела и одновременно об обыденности такой участи, возводя ее в закономерность:

Селькору

Чтоб сломать в селе устои старые,
 Чтоб в селе другую жизнь начать –
 Ты расплескивал глаза свои усталые
 По страницам книжек Ильича.
 Не хватало дней, так выручали
 ночки,
 Светом свечки резало глаза,
 И без отдыха вызванивали строчки,
 Что Ильич о бедноте сказал.
 Не один селькор в борьбе неравной
 От руки убийц наемных пал,
 Стяг борьбы своею кровью славной,
 Ты геройской кровью орошал.
 Кровь твоя на знамени пурпурном
 Будет искриться, нам о былом звеня,
 Ты на третьем фронте, на культурном
 Был в передней линии огня.²⁰

Голота П.
Пісня

Ой, умер селькор
 Гриць Бандура –
 По сели пішов
 Сум, зажура.
 Повни вулиці
 Туги, суму.
 Тополя взялись
 Дужим шумом.
 Окуркулится наша справа,
 пропаде тепер
 Наша слава.

 Гей, не буде так
 Та николи, –
 Обизвався батрак
 Комсомолец.
 И промову взяв
 Дужу, влилу:
 Поховали ми
 Тільки тіло
 Та не вмерло ще
 НАШЕ слово
 (полилась вогнем
 його мова).
 – Куркульня наш злив
 Не заgate
 Не впеадаймо в сум-
 Нас багато...²¹

Мотив жертвенности утверждался и обращением к популярным фольклорным образам, надрывно-печальным ритмам есенинского стиха, как в стихотворении В.Алентова (ст. Шарья, Сев. Ж/д.) “Мать селькора”:

Мать, печалась, говорила: “Митя!
 Что тебе? Уж ты оставь их, брось.
 Как бы, родненький, тебя убитым
 Видеть старой мне не довелось.²²

Для демонстрации разницы между мироощущением селькора и рабкора (или, во всяком случае, восприятием того и другого читателем) приведем стихотворение, опубликованное в “Забайкальском рабочем” (1926). Здесь единственным “врагом” пишущего в газету *при дневном свете*, в безмятежной атмосфере, является непривычность “литературного труда”:

За окном в кудряшках дня
Играет ветер с тополями
И в голубую высь звеня
Несется с воем над полями.

Сегодня дел у Яшки много,
Давно уж собран материал...
И кончик перышка стального
Уж по бумаге побежал.

А солнце чрез окно смеется,
И луч у Яшки в волосах,
И Яшка над заметкой гнется
А мысли пенятся в словах.

Закончив трудную заметку,
Он подписался “Буревою”
И вытер пот солено-едкий
Со лба тяжелою рукой.

Свернул он толстую сигарку
Рукой корявою-рабочей
И на конверт приклеил марку
Под ней: “В газету “Забрабочий”.

Отметим, что в среде рабкоров проблема псевдонимов не носила принципиального характера, использование их воспринималось скорее как

нефункциональная и даже вредная мода. Уже в первом номере “Рабочего [впоследствии – “Рабоче-крестьянского...”] корреспондента” была напечатана статья “Против псевдонимомании”.

Иное дело селькоры, для которых соблюдение инкогнито было вызвано жизненной необходимостью, признававшейся и властью. Не случайно рубрика “Наши письма”, открытая вторым номером “Селькора”, сразу строго придерживается принципа анонимности (каждому корреспонденту присвоен номер). Разглашение “имени корреспондента и содержания заметок, передаваемых им для расследования”, являлось уголовно-наказуемым преступлением (ст. 104, п. “В”; ст. 117 Уголовного Кодекса)²³. В 1925 г. циркуляры о сохранении в тайне имени селькора были приняты Верховными Судами Украинской ССР (23 марта), Белорусской ССР (16 апреля), Туркменской ССР (7 марта), Грузинской ССР (25 февраля), Азербайджанской ССР (16 мая), о чем была помещена информация в “Селькоре” (№ 4, 1925). Таким образом, анонимность в общении селькора с газетой и органами власти в это время декларируется как норма. Отказ от анонимности, сторонниками которой были члены первой редколлегии “Селькора”, зафиксирован лишь в 1928 г.: “Крестьянская газета” отвечает на каждое неанонимное (т.е. подписанное) письмо ... на анонимные (т.е. неподписанные) не отвечает совсем”²⁴.

До этого дискуссия о псевдонимах велась в русле формальной приемлемости той или иной их разновидности. Так, “Селькор” дифференцировал непригодные псевдонимы на “евангелические и божественные” (Всеведущий, Мученик, Вездесущий, Зевс и т.п.), которые “необходимо избегать”; псевдонимы, “взятые из области растительного и животного мира” (Вошь, Морковка, Елка зеленая, Кот, Микроб и т.п.) или приземленного быта (Бутылка, Ириска, Молоко, Шляпа); “совсем неподходящие” “цирковые” (Бим-Бом, Макс Линдер, Ой-ра и т.п.) и “уголовные”, которые “еще хуже” (Женька-Крючок, Лахудра, Рви-Глаз, Гришка-Комса).²⁵ Актуальность подобных инструкций широко подтверждается практикой (например, в одном только номере “Рабселькора Донбасса” (1925, №4) обнаруживаем “Мстителя”, “Жреца”, “Трубача”, “Маяцкого” и т.д.).

Проблема, однако, заключалась в том, что власть не могла ограничить свои запросы “теневого” стороны деятельности селькоров. Доносительство требовало логического продолжения, результат которого был очевиден и для организаторов селькоровского движения, и для его рядовых участников:

“Будет начата бешеная травля, и, как мы знаем, не исключены случаи избиений и даже убийств селькоров со стороны уязвленных кулаков и богатеев. Но селькоры не могут быть малодушными. Мужество и отвага - первое условие селькоровской работы. Осторожность выводов, достоверность сообщений, тщательное знакомство с фактами - необходимые качества селькора... Это необходимо потому, что сведения, сообщаемые селькором, сплошь и рядом являются материалом для суда, и селькору нужно себя обеспечить всеми документами на тот случай, если ему придется выступить с подтверждением указанных фактов на суде”.²⁶

Помимо этого, должна была реализовываться и пропагандистская функция сельских корреспондентов. Само название “селькор” толковалось расширительно: это всякий человек, пишущий в любую (в том числе стенную) газету. Связь между деятельностью селькора (селькорки, рабкора, военкора) и формированием стенной печати была весьма прозрачной. Стенная газета в этих условиях становилась способом донести до масс информацию, счастливым обладателем которой был селькор, обычно являвшийся организатором стенгазеты, и оценить местную ситуацию в том аспекте, который предлагали вышестоящие органы. Подобная “легальная” деятельность анонимных осведомителей центральной прессы предполагалась уже изначально. В первом же номере “Селькора”, после многочисленных цитат из работ В.И.Ленина, Л.Каменева, Г.Зиновьева, перед рубрикой “Селькор под обстрелом”, где описывались уголовные дела о преследовании селькоров, появляется заметка “Какой должна быть стенная газета?” и обещание сделать такую рубрику постоянной. По совету журнала, безопасность селькоров должна была обеспечиваться таким образом: они могли организовать у себя в деревнях кружки единомышленников, которые готовы были бы издавать стенгазеты, посвященные местным проблемам, и заниматься просвещением бедноты. Кружок друзей стенгазеты в случае необходимости должен был провожать селькора домой.

С приближением “года великого перелома” центр тяжести, в соответствии с планами социалистического преобразования деревни, все больше смещался на публичную деятельность. В № 1 “Селькора” за 1928 г. уже утверждалось, что общественная работа селькора несовместима с пребыванием в подполье: “Чем скорее селькор перейдет к открытой работе, тем ощутимее будут результаты этой работы” (с.31). В частности, используя созданную селькорами “коммуникационную базу”, в конце июля 1927 г. коллегия Центрального Статистического Управления разработала

проект положения о добровольных статистических корреспондентах (доброкорах), которых к началу 1928 г. насчитывалось около 40 тыс.²⁷

Именно в это время проблема псевдонимов вновь оказывается в центре внимания. Как свидетельствует корреспонденция с мест, декларированный отказ от них, очевидно, не вполне отвечал реальной ситуации. В ответ на подобные призывы в журнальном разделе “Почтовый ящик” появилась, например, язвительная реплика, (раскрывавшая, кстати, истинную фамилию селькора): “Удивительное дело! В статье “Выходи из подполья” вы не только доказываете, что псевдонимы не нужны, но и заявляете, что “кто подписывается псевдонимом, тот не общественник”. В то же время под заметкой подписываете свой псевдоним. Где же у вас последовательность?”²⁸

Характерно и более позднее разъяснение (1928. № 24): “Подписываться можно псевдонимом (вымышленная кличка), но необходимо на каждой заметке указывать свой точный адрес, фамилию, имя и отчество, ни одна редакция вашего псевдонима не раскроет, но сама должна точно знать, с кем она имеет дело, – без этого заметка печататься не будет”.

Пропагандистский стереотип затаившегося во мраке кулака на деле скрывал гораздо более сложный уровень поляризации деревенского общества, нередко “всем миром” выталкивавшего селькора из своей среды. Впрочем, жалобы самих селькоров на массовое негативное отношении к их деятельности проникают на страницы прессы, особенно центральной, довольно редко, поскольку не соответствуют официальной линии. Однако в случае такого просачивания вырисовывается поистине трагическая картина: “Травли селькоров приводят к плачевным последствиям, один из них на лицо, селькор терроризован, боится вылезать на улицу по ночам, не только чтобы писать в газету, это он уже похоронил. В самом деле в кругом отванном захолустье, долго ли до беды. Коцнули и ищи ветра в поле.” (подпись: Овод)²⁹.

Это далеко не единственный пример: “селькор гоним чуть не всем селом”, “селькору нет нигде защиты”, положение селькора можно сравнить с “положением революционера, замученного в застенке, или красноармейца, попавшего в плен к белым”³⁰. Но даже если ситуация не доходила до подобных пределов, изоляция селькоров, своего рода социальный бойкот в более или менее мягкой степени, в лучшем случае непонимание, были налицо: “Я один в станице веду работу. Некоторые граждане чистосердечно удивляются и высказывают мне это... советуют бросить все это и жить для себя, а другие просто считают меня дураком. Уж очень горько... поговорить даже

не с кем. Сама жизнь глухой деревни толкает селькора разоблачать тайно, из подполья” (подпись: Х.К.).

Высмеивание “всевозможных ляпсусов”, начатое “Селькором” во введенном в 1928 г. специальном разделе “Волчьи ягоды”, имело целью, видимо, не только заботу о языке корреспонденции из деревни, но и снижение общего трагизма селькоровского мироощущения, на который указывают публикуемые здесь материалы. Например: “Иду и несу свой селькоровский крест по намеченному пути у социализму.” “Лесная тайна”. Свои собрания кружок проводит в страшной тайне. Копия с копии. Протокол № 13 общего собрания членов КТГ в лесу, подпольно. Присутствуют 4 старых революционеров обоого пола, из лесу никуда не выходят, им грозит опасность со стороны тайных жандармов”. (Марийская область)³¹.

С другой стороны, один из трагических случаев вызвал не только статью-отклик со знаменательным заглавием “Допустимо ли для селькора самоубийство?” (автор А.Глебов), но и оживленную полемику с неутешительным результатом: “Половина писем содержит не порицание, а оправдание самоубийц”³². Углубление в детали дела проясняет сложившуюся в деревне ситуацию: селькор оказался между двух огней – интригами местного руководства и враждебностью или настороженностью непосредственного окружения. Об этом ясно свидетельствует письмо повесившегося селькора Немова старшему сыну:

“Василий! Положение мое очень скверное. В этом отношении переусердствовал один из РКИ. Он подпрягся к моим врагам и отшельмовал меня. Нужно уйти с дороги, иначе тебе и остальной семье не дадут житья. В какое положение они меня поставили? *Ведь люди боятся говорить со мной.* Такая жизнь невмоготу. Живи и помогай матери. Прости. Твой отец П.Немов.”³³

Интересно, что оружие селькора иногда оказывается “обоюдоострым”: до 1930 г. в прессе появляются материалы о бесчинствах отдельных селькоров, присылаемые односельчанами (“селькор хулиганит с обрезом”, “селькор – ругатель и пьяница”, “селькор-самогонщик” и др). Однако уже в 1929 г. проявляется, а в более позднее время безраздельно господствует следующая тенденция: селькор обязательно должен быть членом партии, видным человеком на селе (председателем колхоза, агрономом, ударником и пр.) и проблема возможной “небезгрешности” селькора таким образом решается сама собой: он становится представителем госаппарата, строителем новой деревни.

В связи с этим разворачивается кампания против “замаскировавшегося” под селькора врага, отразившаяся в целом ряде газетных и журнальных материалов³⁴. В заметке “Изгоним кулаков из селькоровских рядов” (Селькор. 1929. № 11), в частности, говорится: “До чего доходит кулацкая наглость, видно по целому ряду стенгазет, которые захватили в свои руки кулаки. В Викторовском сельсовете Великоустюжского района издавалась стенгазета под названием “Искра”. Эта газета вскрывала недочеты в работе потребительского общества, вела активную борьбу с кулачеством, требовала выселения из...дома попа. Тогда группа кулаков... издает свою газету и называет ее “Из искры - пламя”...”

Смена редактора “Селькора” в 1930 г. совпадает со сменой лица журнала. Сразу после “года великого перелома” резко сокращается количество критических материалов, их место занимают отчеты об успехах колхозного строительства.

Тем не менее, победа колхозного строя вовсе не означала триумфа селькоров. Именно накануне и в ходе “великого перелома” в деревне в их среде проявляются многочисленные жалобы и сомнения. Не случайно в самом начале 1929 г. Н.Стальский в статье “Каких писем ждет “Крестьянская газета” от своих корреспондентов” констатировал: “Если по селькоровским письмам составлять себе представление о деревне – безотрадное это будет представление.”³⁵ Свидетельства о весьма относительной востребованности селькоровских материалов содержится в докладе т. Богового “Селькоры участвуют в социалистической перестройке деревни”. Докладчик отметил, что заметки, посланные селькорами, часто теряются и не доходят до читателя, приведя следующие цифры: Кубанское “Красное знамя” получило 1416 заметок, использовали 753, пропало 663 письма, Ставропольская “Власть Советов” получила 929, использовала 416, пропало 513.

На этом фоне причины селькоровской неудовлетворенности очевидны. С одной стороны, еще более усилилась конфронтация в деревне. Одним селькорам – явно меньшинству – это принесло разочарование в столь усердно поддерживавшейся ими политике. Другие пополнили ряды жертв в ходе “обострения классовой борьбы в деревне”. Не случайно Наркомат социального обеспечения в 1929 г. приравнял селькоров, пострадавших от преследований, к жертвам контрреволюции³⁶. Наконец, не сбылись надежды многих на социальную реализацию, связываемые с поддержкой “верхов”.

Довольно часто в деятельности селькоров прослеживаются корыстные – карьерные, просто материальные интересы. Подпитывая их исподволь разнообразными льготами, в частности, направлением в город на учебу (редкая для деревенского жителя возможность социальной мобильности, повышающей статус и дающей принципиально новые перспективы роста), власть провоцировала непредусмотренные изначально варианты поведения. Этому подспудно способствовало помещение материалов вроде фотографии “селькорки Ореховой, посланной учиться в государственный университет журналистики,”³⁷ или рассказа о специальных поощрениях для пострадавшего от рук врага, но оставшегося в живых селькора Григорьева из Чувашской республики, которого вызвали в Москву, затем отправили лечиться в Крым, оплатив все расходы, и, наконец, устроили учиться в Университет Народов Востока³⁸.

Часть селькоров, стремясь повторить этот путь, сознательно использует имидж “жертв классовой борьбы”, в связи с чем в прессе появляются требования “изживать” подобные отклонения. Приводятся разоблачения случаев, когда селькоры инсценируют “вещественные доказательства” того, что на них готовится покушение. Так, селькор Петр Маркевич, 19 лет, “заялся селькоровской работой, чтобы пробить себе дорогу, так как закон нынче защищает селькоров”, для чего “сам себе написал письмо с угрозой и сам же обокрал”.³⁹ Журнал раскрыл истинную цель этой деятельности – уйти из дома из-за конфликтной ситуации с родителями. Более сложные варианты инсценировок, достаточно, впрочем, редкие, предполагали даже сговор с родственниками из кулаков, которые, симитировав покушение на селькора, способствовали его продвижению в органы местной власти, а затем брались им под опеку.

Отношение к процессу выдвижения селькоров в город у партийно-советских органов было двойственным: с одной стороны, руководство отдавало себе отчет, что “революционный энтузиазм” без особой политической, социальной, экономической поддержки “сверху” не в состоянии обеспечить тот максимум активности и самоотдачи, который требовался от селькоров. С другой стороны, им отводилась совершенно определенная ниша, за пределами которой они не выполняли свою основную, коллективную функцию. С самого начала селькоровского движения его участникам прививалась чувство определенной избранности. Одним из знаков особого расположения была декларированная неподцензурность их корреспондентского творчества, распространявшаяся на них по примеру рабкоров и тем самым как бы

“подтягивавшая” сельских корреспондентов до уровня их более передовых собратьев: “Первое всесоюзное совещание рабочих корреспондентов (ноябрь 1923) в резолюции о стенной заявило: “Совещание считает совершенно недопустимым цензуру или какой-либо предварительный просмотр, а также в какой бы то ни было стеснительной форме руководство стенгазетами со стороны стоящих над заводами партийных или профессиональных организаций.” Такого же мнения держимся мы и относительно деревенских стенгазет.”⁴⁰

Идеологическое “пестование” селькоров, накладываясь на проблемы личностной самооценки, приводило порой к казусным результатам. Так, в журнале “Селькор” встречаются критические выступления против практики изготовления селькорами штампов “с изображением собственной своей личности (селькор Михаил Терентьевич Боголюбов)” или “Участник I Всесоюзного совещания и I Всесоюзного съезда селькоров”, визитных карточек “Центральный селькор, участник съезда” и т.п.⁴¹

Заявление, опубликованное в № 1 “Селькора” за 1925 г. (“Единственно, что получает селькор от своих земляков ..., от государства и коммунистической партии – это уважение к его селькоровской работе и нравственную поддержку его сил”), дополнялось принципом материальной поддержки. Но она не могла сравниться с тем фактом, что селькор, ставший доверенным лицом партии в деревне, мог стать “выдвиженцем”, получить направление на рабфак, а при наличии партстажа – в Институт журналистики, иногда занять должность в администрации уезда или волости.

Перспектива легально, на законных основаниях уехать из родной деревни часто осознавалась как благо, а ее лишение – как крах жизненных перспектив. В журнале “Селькор” обсуждаются письма-жалобы на обманутые надежды. Например, резонанс вызвало послание селькорки Ковалевой: “На рабфак я не поеду, нет смысла начинать с азбуки. Я просила вас помочь поступить в Институт Журналистики, на этот зов ... вы немые. Меня поражает, почему других беспартийных можно было послать ... теперь я своей работой всю семью превратила в жертву. Сама я сейчас душевно больна. Я устала. Живая мысль умерла. Надежда пропала. Пришла к выводу, что всякая душа брошенной девушки пробуждается для того, чтобы умереть в муках.”⁴²

Формирование позитивного образа жертвы, внедряемое в сознание селькоров, находилось в русле общих тенденций эпохи с ее культом жертв революции. Селькор, находившийся “на передней линии огня”, воспринимал себя как продолжатель революционного дела. Процесс воспитания жертвенности как идеала изначально

сопровождался созданием образа власти, заботящейся о тех, кто пострадал во имя “будущего”. Селькоры, быстро понявшие действенность соответствующей парадигмы поведения, стали решать с помощью имитации поведения жертвы довольно разнотипные проблемы - семейные, межличностные, общественные. Воспитание в селькоре идеи жертвенности имело и интенцию второго плана, “закадровую”: потенциально предполагалась готовность селькора к тому, что он может оказаться один на один с классовым врагом, а государство, во имя которого он это делает, может “не успеть” прийти ему на помощь. Следствием этой интенции была и государственная политика отстранения от селькоров, особенно активно пытающихся пробиться во власть. Выгоднее было иметь селькора в качестве жертвы – одиночки, чем дать ему реальные полномочия. Нужно было создать иллюзию народного движения, зародившегося в деревне и для нее существовавшего. Отсюда и непрерывность дискуссии о том, должны ли селькоры быть выборными, добровольными или назначенными сверху. У селькоров возникают эти вопросы, поскольку они не очень хорошо представляют себе границы своих полномочий и хотят их расширить, тогда как власти необходимо симитировать заботу о селькоре и одновременно не дать ему развернуться слишком широко, не дать выйти из-под контроля людям со специфическими амбициями, активной жизненной позицией, довольно развитым по тогдашним меркам правосознанием. Это видно по тем вопросам, которые выносились в качестве ключевых на рабселькоровских совещаниях – всероссийских, всесоюзных. Если в 1925-28 гг. возможны были незначительные колебания во мнениях по вопросам цензуры, контроля над селькормом, то уже начиная с 1929-30 гг. прежний образ селькора меняется, утрачивая частью навязанные ему, частью коренящиеся в социальных реалиях деревни черты.

¹ См., прежде всего: Fitzpatrick Sh. *Stalin's Peasants: Resistance and Survival in the Russian Villiage after Collectivization*. N.Y.; Oxford, 1994; рус. пер. – Фицпатрик Ш. *Сталинские крестьяне: Социальная история Советской России в 30-е годы: деревня*. М., 2001.

² *Голос народа: Письма и отклики рядовых советских граждан о событиях 1918–1932 гг.* М., 1998; *Крестьянские истории: Российская деревня 1920-х годов в письмах и документах*. М., 2001.

³ Активно рекламировались следующие пособия: Рыклин Г., Мирон Я. *10 бесед с селькорами*. М., 1925; Ленинградский С. *Как крестьянину писать статьи и маленькие книжки*. М., 1925; Селькору. М., 1925; Селькорка: Политсуд. Л., 1925 (на обложке: “Селькорка бабе деревенской друг и всему обществу опора”); *Новые проводники культуры: Стенные газеты в деревне – деревня в стенных газетах / Под ред. Б.Каменского и А. Ширямова*. М., 1928; Андреев А. И. *Деревенская стенная газета*. М., 1926; 2-е изд. М., 1927; Он же. *Селькор и строительство новой деревни*. Л., 1928; Он же. *Стенгазеты и селькоры в борьбе за сев и коллективизацию*. М., 1930; Он же. *Шефские организации в помощь колхозной деревне*. Л., 1935, и др.

⁴ Абросимов М. *Деревенские стенные газеты*. М.; Л., 1925. С.8-9.

⁵ Селькор. 1926. № 3. С.2. Этот номер полностью посвящен проблеме связи селькора с рабкором и военкором.

⁶ Сокольников Г.Я. Интервью газете “Известия” // *Известия*. 1924. 1 февраля.

⁷ Тринадцатый съезд РКП(б): май 1924 г. Стенографический отчет. М., 1924. С. 647.

⁸ Селькор 1925 №1. С.1.

⁹ Заломов П.А. Письмо обществу бывших политкаторжан от 18 декабря 1924 г. // *Известия ЦК КПСС*. 1991. № 7. С. 174–175.

¹⁰ Микула М. Достижения и задачи крестьянской печати // Селькор. 1926. № 8. С. 4.

¹¹ Селькор. 1925. № 1. С.1

¹² Селькор. 1927. № 7.

¹³ Волжский А. Селькор в частушках // Селькор. 1925. № 4. С. 11.

¹⁴ Типичный пример см.: Пахарь. Бугуруслан, 1926, 2 марта (№ 41). С.2.

¹⁵ ГрунтЯ. О помощи пострадавшим на газетной работе // Селькор. 1926. № 3.С. 9.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Селькор. 1928. №13.

¹⁸ Селькор Камчатки. Орган Окружного Бюро ВКПб и редакции газеты “Полярная Звезда”. 1928,11 марта. С.2.

¹⁹ Мирошниченко Л. Селькор // Селькор. 1926. № 2. С. 32.

²⁰ Селькор Камчатки. Орган Окружного Бюро ВКПб и редакции газеты “Полярная Звезда”. 1928, 11 марта. С.12-13.

²¹ Голота П.Селькор України. 1927. №2 (4). С.27.

²² Селькор. 1926. № 6. С.16.

-
- ²³ Вышинский А. Суд на защиту селькоров // Селькор. 1925. № 1. С.4.
- ²⁴ Селькор. 1928. № 8. С.20.
- ²⁵ Селькор. 1926. №6. С.11
- ²⁶ Киселев А. Селькоры и задачи строительства советов в деревне // Рабселькор Донбасса. 1925. №3. С.5.
- ²⁷ Селькор. 1928. № 1. С.24.
- ²⁸ Селькор. 1928. № 3. С.33.
- ²⁹ Селькор Камчатки. Орган Окружного Бюро ВКПб и редакции газеты “Полярная Звезда” 1928, 11 марта. С.14.
- ³⁰ Селькор. 1926. № 13. С.3.
- ³¹ Селькор. 1928. № 10. С.30.
- ³² См.: Селькор. 1926. № 6, № 13.
- ³³ Селькор. 1926. № 6. С.11-12.
- ³⁴ См., напр.: Борьба с лжеселькорами: Кулакам и подкулачникам не должно быть места в рядах селькоров // Селькор. 1929. № 23. С.13
- ³⁵ Селькор. 1929. №1. С.34.
- ³⁶ Важное постановление НКССО // Селькор. 1929. № 4. С.19.
- ³⁷ Селькор. 1926. № 4. С.22.
- ³⁸ Селькор. 1926. № 3. С. 9.
- ³⁹ Селькор. 1926. № 4. С.11–12.
- ⁴⁰ Абросимов М. Деревенские стенные газеты. М., Л., 1925. С.54. Ср.: “Рабкор ни перед кем не обязан отчитываться. Это дело только его доброй воли. Никакая организация, ни профсоюз, ни комячейка, никто другой не имеют права требовать никаких отчетов.” (Рафаил М.А. Организационные вопросы рабкорского движения. М.; Л., 1925. С.26-27.)
- ⁴¹ Селькор. 1926. № 2. С. 11-12. Ср. письмо о значках для селькоров: “Прошу напечатать и послать мне пять штук. Сколько стоит, заплатим.” (Селькор. 1928. № 14. С.22.)
- ⁴² Селькор. 1926. № 15. С.7.